

МИГРАНТЫ И ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 339.13

DOI: 10.17223/2312461X/15/7

ПОСТСОВЕТСКИЕ РЫНКИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: НОВЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ?*

Виктор Иннокентьевич Дятлов

Аннотация. Рынки под открытым небом, в том числе и «этнические» рынки, были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, неотъемлемой принадлежностью городского пейзажа и повседневной жизни миллионов людей. Включенные в трансграничные потоки «челноков», они стали частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей, происходил контакт деловых культур, культур вообще. Гипотеза статьи состоит в том, что это был качественно новый феномен, радикально отличавшийся от предшествовавших по времени «колхозных» рынков и «барахолок» советской эпохи. Новизна предопределялась формирующимся рыночным контекстом, особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Ключевые слова: базар, «этнический» рынок, «челноки», «этническая экономика», трансграничные миграции

Ярчайшая примета городской жизни постсоциалистической эпохи – большие и маленькие, иногда огромные, рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом. Бывшие стадионы, закрытые фабрики, пустыри, заполненные бесконечными рядами торговых прилавков, контейнеров, ангаров, наскоро приспособленных для торговли заводских цехов. Тысячи, иногда десятки тысяч торговцев и покупателей, огромные потоки товаров, денег, услуг. Первозданный на первый взгляд хаос, в котором, как в муравейнике, сформировались свой порядок, система влияния и власти, своя логика отношений и связей.

Рынки под открытым небом, в том числе и «этнические» рынки, были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, неотъемлемой частью городского пейзажа и повседневной жизни мил-

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России») и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»).

лионов людей. В повседневность горожан они вошли вначале как важный механизм выживания, а затем и как элемент организации городского пространства и городских отношений. От Вьетнама до Германии, связанные активностью миллионов «челноков» – торговцев, они были частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей, происходил контакт деловых культур, культур вообще.

Основная гипотеза статьи состоит в том, что это были не пережившие советский строй рудименты «восточных базаров» и ярмарок. Традиционных базаров вообще. Это и не гипертрофированно разросшееся продолжение советских «колхозных» рынков и «барахолок» (вещевых рынков). При некотором внешнем сходстве, иногда при генетическом родстве с ними – это качественно новый феномен. Новизна предопределялась контекстом – особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Продолжение традиции? Проблема исторических предшественников

В каком-то смысле базар вечен, он существовал и играл важную роль в любом относительно организованном и сложном обществе. Но это не означает его неизменности. В разных исторических контекстах он приобретает различные функции, меняет – иногда радикально – внутренние характеристики и параметры, играет разные роли в обществе. Вопрос о том, насколько постсоветские открытые рынки являются частью, продолжением данной традиции, во многом упирается в наши знания и представления об этой традиции.

Самый известный тип, вошедший в массовую мифологию и ставший стереотипом, – это, несомненно, «восточный базар». О нем много написано европейскими путешественниками, это излюбленная натура для европейских художников. Он породил яркие образы в художественной литературе. Чего стоит только образ бухарского базара в блестящей книге Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» (Одно из последних переизданий: Соловьев 2008). Существует богатейшая историографическая традиция, дающая незаменимый исследовательский инструмент для дальнейших исследований. Достаточно вспомнить только классические труды Фернана Броделя (Бродель 1988) и Клиффорда Гирца (Гирц 2004). Однако прямая преемственность «восточных базаров» с постсоциалистическими рынками отсутствует. Это был важный, возможно, системообразующий элемент традиционного общества – с соответствующими функциями, местом в социальной системе, внутренней организацией, повседневными практиками. В России его существование прервалось модернизацией и было окончательно добито

революцией. Хотя, возможно, где-то (скажем в Центральной Азии) могли сохраниться, пройдя через советскую эпоху хотя бы в виде рудиментов, и генетическая преемственность, традиция, стиль жизни, система ценностей, практики.

Намного сложнее дело обстоит с «колхозными» рынками, «барахолками», «толкучками» советской эпохи. Они были в каждом советском городе, большом или малом, да и во многих селах постоянно функционировали хотя и небольшие, но важные для их обитателей рыночки. Советских эпох было несколько, соответственно, и рынки были очень разными по своей организации и роли в жизни общества. Они претерпевали радикальные изменения: от «Сухаревки» времен Гражданской войны до «колхозного» рынка и «барахолки» времен застоя. Особой, можно сказать уникальной, была их роль в чрезвычайные периоды советской истории – времена революций, войн и неизбежных после них трудностей. Они становились жизненно важным институтом выживания огромных масс людей, способом ухода их из-под всеобъемлющего государственного контроля. В спокойные, относительно стабильные времена они меньше бросались в глаза, однако были важны тем, что генерировали осуждаемые, а то и просто запрещенные советской идеологией практики и модели поведения.

В каком-то смысле «колхозные» и «вещевые» рынки («барахолки») – это прямые исторические предшественники постсоветских рынков. Отчасти и генетические – в качестве площадок, с которых они начали развиваться, главное же – как носитель идеи и отношений рыночности в официально нерыночном обществе. Конечно, базар – это не рынок, но в базарности неизбежно присутствует рыночный элемент. Принципиально важно, что «колхозные» рынки и «барахолки» были не очень любимым и совсем не уважаемым феноменом социалистического общества, однако вполне законным.

По официальным правилам рынки были местом примитивного обмена, купли-продажи личных вещей, площадками для сбыта излишков с приусадебных участков колхозных крестьян, важным подспорьем в снабжении жителей городов. По сути же, набор функций был неизмеримо богаче. Это было место легитимного обмена и торга; канал обмена и механизм жизнеобеспечения города и деревни; площадка, на которой формировался и функционировал рыночный механизм межрегионального обмена; терминал «теневой экономики»; зародыш «этнической экономики». Это была легальная «крыша» для незаконных и сурово караемых «спекулянтов», «теневиков», «фарцы» (Романов, Суворова 2003; Клинова 2014) и прочих представителей нелегального предпринимательства.

Но все это историографическое «белое пятно», почти все осталось только в виде легенд и мифов в исторической памяти. В виде распро-

страненного сюжета в художественной литературе, фильмах, но в основном относящихся к кризисным моментам – войнам и послевоенным временам. Сейчас изучать «колхозные» базары, «барахолки» и «толкучки» чрезвычайно трудно из-за острого дефицита источников и их заведомой неполноты и односторонности. В силу идеологически сомнительного характера объекта, масса информации, очевидной для участников процесса, не просто закрывалась, засекречивалась, она просто не откладывалась на бумаге, скрывалась за эвфемизмами или не проговаривалась вообще, совершаясь «по умолчанию».

Слабая изученность советских базаров не дает возможности детально и подробно проследить их роль в процессе формирования рыночной системы новой эпохи. Однако помимо отдельных упоминаний в исследованиях по смежной проблематике, имеется несколько чрезвычайно интересных и важных работ, посвященных как раз переходному периоду 1990-х гг. (Титов 1999; Ильина, Ильин 1998, 2001). Они дают, правда, срез ситуации даже не позднесоветской, а раннекапиталистической, когда базар уже стремительно менялся.

При крахе социалистической системы отношений, в том числе государственной распределительной системы, рынки стали важнейшим механизмом снабжения потребительскими товарами огромной массы людей, площадкой и механизмом формирования слоя массового мелкого бизнеса, механизмом кристаллизации рыночных отношений и связей. Они послужили первоначальной стартовой площадкой для начала крупного регионального бизнеса и «бизнеса» массы начинающих мелких торговцев и «челноков». Рынки достались им по наследству от социалистического прошлого как место привычного и законного обмена и торгова.

Однако новые времена и новые задачи радикально изменили и функции прежних «колхозных» рынков и «барахолки», их место в новой, формирующейся системе отношений. Изменился сам их характер (новые формы собственности, новый менеджмент, новые функции), произошла экспансия торговли на новые площадки. Старые оказались неадекватно малыми и не очень хорошо организованными для новых задач. Поэтому создаются новые рынки на стадионах, разорившихся фабриках и т.д. – там, где простор, коммуникации, чистое место с точки зрения организации и собственности. Старые рынки и «барахолки» стали не самой крупной и влиятельной частью новой системы, утратив при этом советские черты организации и стиля.

Формировались на «колхозных» базарах и «барахолках» в эпоху позднего социализма и элементы «этнической экономики». В 1960–1980-е гг. здесь сложился устойчивый, довольно многочисленный и очень заметный слой выходцев с Кавказа. Они обслуживали, в основном, трафик и продажу овощей, фруктов, цветов, произрастающих у них на родине. Масштабы и регулярный характер их деятельности поз-

воляют говорить о ней как о профессиональном предпринимательстве, полупулегальном с точки зрения властей и не одобряемом общественной моралью.

Тогда и сформировался «образ кавказца» – человека, не просто отличающегося особенностями культуры и поведения, внешним обликом, но и олицетворяющего в моральных категориях тех лет «торгашество» (Дятлов 2010; Восток России... 2011: 490–499). Можно предположить, что привычные этнические категории стали способом стереотипизации явлений социально-экономических. Навязанный государством и в целом принятый обществом взгляд на этничность («национальность» в терминах того времени) как на феномен скорее не культурный, а определяемый «кровью», происхождением, провоцировал и появлением расовых коннотаций в этом стереотипе. «Кавказцев» выделяли как группу и относились как к группе, олицетворяющей не просто непривычные культурные нормы и практики поведения, но и осуждаемый общественной моралью тип экономического поведения.

Таким образом, базары советской эпохи были не только историческим предшественником постсоциалистических рынков, но и их стартовой площадкой, предоставив свою территорию, сохраненную идею и культуру рыночности, сформировавшийся в советскую эпоху слой полупулегальных предпринимателей, их материальные и символические ресурсы. Однако новая эпоха, с ее кардинально новыми возможностями, потребностями, ресурсами, сформировала и совершенно новое качество изучаемого феномена.

Открытые рынки в рыночную эпоху: новые функции и новая роль

Без невероятно разросшейся сети розничных рынков трудно представить городскую жизнь России эпохи бурных перемен конца XX – начала XXI в. По определению В.В. Радаева, «розничные рынки – групповое размещение торговых объектов внемагазинного формата. Независимо от того, располагаются они в крытом строении или под открытым небом, рынки – это объединение торговых объектов, не относящихся к числу капитальных строений». К таким форматам он относит павильон, киоск, палатку, товарный лоток, разъездную торговлю. «Розничные рынки часто называют “открытыми”, но этот признак вовсе не следует понимать буквально. Такие рынки вовсе не обязательно находятся на улице, а при переносе под крышу автоматически не становятся магазинами. Встречались и другие названия рынков – например “стихийные” или “мелкооптовые”. Они тоже не слишком удачны» (Радаев 2007: 54–55).

Роль рынков как вечного, но динамично меняющегося института определяется контекстом, системой экономических, социальных власт-

ных отношений в обществе. Принципиальный разрыв с советской эпохой в этом смысле состоял в том, что были легализованы, узаконены и реабилитированы рыночные отношения как основной тип экономических и социальных связей, как позитивная ценность. Открылись границы, и появились возможности интеграции в мировую рыночную экономику. Рухнула социалистическая система производства и распределения товаров народного потребления. Потребовалась, причем немедленно, альтернативная система жизнеобеспечения.

Из государственного сектора экономики было выброшено огромное количество людей, сразу потерявших средства к существованию. Произошла девальвация их прежних жизненных стратегий, статусов, квалификаций. Рынки, рыночная деятельность стали средством выживания, областью обретения новых ресурсов и статусов, территорией самореализации. Здесь можно было начинать почти с нуля, не имея за спиной первоначального капитала, связей, рыночного опыта и системы ценностей. Конечно, имевшие это нелегальные и полунелегальные предприниматели-профессионалы старого режима получили огромное стартовое преимущество. Сюда пришла масса высокообразованных и готовых к географической и социальной мобильности горожан, насколько это было возможно для людей, выросших в рамках социалистической системы.

Товарный голод в сочетании с открытыми границами и проторенными первопроходцами – польскими «челноками» – путями и созданной ими инфраструктурой, породили массовый феномен *челночничества* (Иванов, Комлев, Толчинский 1998; Майоров 2002; Жилкин 2003; Рыжова 2005; Климова 2006; Порецкина 2006; Яковлев, Голикова, Капралова 2006; Климова, Щербакова 2008; Климова 2008). «Челночная» торговля сыграла огромную, возможно, даже решающую роль в снабжении населения в критический момент краха социалистической экономики. Для сотен тысяч занятых в ней людей она стала школой предпринимательства, инкубатором для мелкого и среднего бизнеса. Были сформированы огромные товарные трансграничные потоки, почти не учтенные, кстати, официальной статистикой.

Масштабы «челночной» торговли быстро породили спрос на стабильные стационарные площадки, терминалы формирования и распределения товарных потоков. Процесс их формирования начался на оставшихся от социализма площадках – «колхозных» рынках и «баракхолках». Однако этот резервуар переполнился мгновенно. Создаются новые площадки – на стадионах, пустырях, территориях и цехах разорившихся заводов и т.д. Это были не только новые площадки, но и новый стиль, новые механизмы организации, власти и контроля.

Происходит быстрый переход от торговли с рук к прилавкам, контейнерам, ангарам. Рынки обрастают обслуживающей инфраструкту-

рой и сопутствующими услугами. Был стремительно пройден путь от первоначального хаоса и индивидуальных усилий (где рынок был просто площадкой для торговли) к системе, от конгломерата отдельных торговцев – к структурированию, сетям, параллельным институтам власти и управления. К рынку – как сложно организованному организму. Индивидуальный и действующий на свой страх и риск «челнок» быстро интегрируется в систему (на разных условиях).

Когда ограничительные действия властей, конкуренция крупных компаний, создавших эффективную и конкурентоспособную систему импорта и крупного опта, постепенно вытеснили «челноков», рынки приспособились и к этой ситуации. В качестве входных и выходных терминалов они остались частью меняющейся системы, меняясь при этом сами.

Анализ деятельности постсоветских рынков будет не просто неполным, а в значительной мере и искаженным, если игнорировать или просто недооценивать то, что они не были просто конгломератом автономно функционирующих субъектов торговли. Уже только их симбиоз с «челноками» делает их интерфейсом для межрегиональных и международных торговых обменов. Постсоветские рынки практически сразу стали важной частью международных сетей, по которым огромным потоком шли товары, деньги, люди, информация, встречались и притирались друг к другу деловые культуры, где формировались и эффективно функционировали нормы, правила и санкции за их невыполнение.

В самом общем виде эта система состояла из трех важнейших элементов. Товарные потоки начинали формироваться во «входных терминалах», особенно в Китае и Турции, для которых обслуживание российской «челночной» торговли стало значимой отраслью экономики. В функции этих терминалов входили отслеживание эволюции спроса в России, формирование листа заказов для местных производителей и мелкооптовых партий, опт и розница, консалтинг, услуги («помогайки»), сервис (рестораны, сауны, проституция). Второй элемент – это «челноки», вслед за которыми пришли и, в конечном счете, вытеснили их специализированные фирмы. Их функция – закупка, формирование товарных партий, транспортировка, растаможивание (для фирм), оптовый сбыт в России. Иногда «челноки» сами и сбывали привезенные товары. Но побеждали специализация и разделение труда.

И, наконец, рынки в России, а также отчасти в Восточной Европе, как опорные базы новой системы торговли и снабжения. Их наиболее заметная, но, возможно, не главная функция – розница и мелкий опт для непосредственных потребителей. Именно из них состояли огромные людские потоки, достигавшие иногда десятков тысяч человек в день. И хотя сумма покупок большинства из них была невелика, но в массе это давало огромные обороты. Однако главной функцией крупных рынков была все-таки логистика. На иркутском рынке «Шанхай»

регулярно делали оптовые закупки не только торговцы из ближайших городов, но из Улан-Удэ и Читы. О масштабах этого бизнеса говорит информация, ставшая доступной после закрытия Черкизовского рынка в Москве. Он обеспечивал работой до 100 тыс. человек, 70–80% из которых, по оценкам Федерации мигрантов России, были гражданами КНР. По оценкам китайской газеты «Дунфан цзаобао», на рынке остался товар на сумму около 5 млрд долларов, принадлежащий китайским торговцам (Габуев, Козенко 2009).

Таким образом, рынки вряд ли можно охарактеризовать как чисто российское явление. Это не конгломерат изолированных друг от друга торговых площадок, а система отношений и связей глобального масштаба, часть мировой рыночной экономики.

Радикально поменялась роль рынков в экономической и социальной жизни общества. Они стали не просто ключевыми элементами формирующейся рыночной системы снабжения, а значит и жизнеобеспечения, низших и средних слоев населения страны, но и площадкой, полигоном, на котором происходило формирование слоя массового мелкого предпринимательства. Сюда сходились огромные товарные и денежные потоки, концентрировались самые разнообразные интересы. Здесь происходила стыковка формальной и неформальной экономик. В конце концов, регулярные походы на них входили в стратегию экономического выживания основной массы горожан.

На круглом столе «Трудовая миграция и розничные рынки» (2007 г.) сенатор Владимир Слуцкер отметил, что в России насчитывается около 6 тыс. розничных рынков, на которых заняты 1,2 млн человек. «Рынки полностью одевают, обувают, кормят и поят все население России... Большинство потенциальных покупателей рынков – малообеспеченные россияне, поэтому любые непродуманные действия по регулированию рынков могут существенно подорвать их жизненный уровень» (Московское бюро 2007).

Рынки, став школой предпринимательства, породили новые массовые социальные и профессиональные группы, с собственным образом жизни, типом поведения, с особой субкультурой (Григорьева 2008). Есть примеры того, как организованно и энергично они могли отстаивать свои корпоративные интересы. Борясь против решения муниципальных властей о закрытии иркутского рынка «Шанхай», торговавшие на нем местные торговцы объединились в собственный профсоюз, провели несколько публичных акций, даже обратились с посланием к президенту страны. Для защиты своих интересов они основали газету «Восточно-Сибирский Шанхай», которая почти год вела энергичную борьбу против решения о закрытии рынка (Этнические рынки... 2015: 105–123). Рынок это не спасло, но ярко продемонстрировало властям, что это реальная сила, с которой необходимо считаться и искать компромиссные решения.

Массовость рыночных торговцев, их происхождение из различных социальных слоев и социальных страт, сохранившиеся тесные связи с ними – все это способствовало легитимации в прежде нерыночном обществе рыночных ценностей, привычек, образа жизни, понимания законности и необходимости рыночной торговли (Орлова 2011; Ульянкина 2014).

Рынки теперь – не просто место, где товары и деньги переходят из рук в руки. Это место встречи и взаимного привыкания людей различных культур. Место и механизм привыкания к феномену этнического и культурного многообразия как норме. Они стали неотъемлемой частью городского пространства в качестве олицетворения не только торговли и рыночных отношений, но и особого культурного феномена. Природа этой особенности требует отдельного изучения. Но может быть далеко не случайно в телевизионном сериале «Черкизона. Одноразовые люди» рынок предстает неким воплощением сталкеровской «зоны». Местом за пределами чужим и уже только поэтому опасным, но и привлекательным своей экзотикой и возможностями. Скорее всего, это гипертрофированный взгляд, художественное преувеличение. Вряд ли обычный посетитель рынка испытывает там чувство риска или опасности, но ощущение настороженной отчужденности явно присутствует.

Вокруг них естественным образом формируется самая разнообразная инфраструктура сервиса и развлечений. Поближе к рынкам предпочитают селиться мигранты, формируя здесь хотя и размытые пока еще, но очень явно выраженные, но этнические кластеры. Рынки – предмет постоянной озабоченности городских властей являются важным источником ресурсов и механизмом жизнеобеспечения и одновременно – причиной или поводом разнообразных проблем и конфликтов. Поэтому «этнические» рынки постоянно находятся в центре общественного внимания, это предмет регулярных дискуссий в прессе и Интернете. И внимание это редко бывало доброжелательным.

«Этнические» рынки и «этническое предпринимательство»

Глубокая интегрированность постсоциалистических рынков в глобальную рыночную экономику, ключевая роль в их функционировании трансграничного челночничества вкупе с беспрецедентными в истории России трансграничными трудовыми миграциями создали феномен, который население обозначило как «китайские», «кавказские» или «киргизские» рынки и торговые ряды. В исследовательской литературе их чаще всего называют «этнические» рынки. Условность терминологии очевидна – на них торгуют и оказывают разнообразные услуги люди различных национальностей и гражданств. Все они этнофоры, но прилагательное «этнический» у нас привычно относят только к пред-

ставителям меньшинств. О терминах не спорят, о них договариваются – и коль скоро они прочно вошли в оборот, придется ими пользоваться.

Наиболее распространенным феноменом этого ряда стали «китайские» рынки, которые возникли в больших и многих малых городах Востока России, а также часто и в городах Европейской России. «Китайскими» они были названы населением этих городов, что очень часто маркировалось и названием рынков («Шанхай», или «Шанхайка», «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске, например). Иногда названия были в этническом смысле нейтральными, но это не мешало считать их «китайскими». Так или иначе, это взгляд извне.

Если попытаться понять, что дает основание для такого взгляда, можно выделить следующие факторы: китайские товары, китайские торговцы, китайские капиталы, китайский менеджмент (обычно закулисный). В целом это констатация не преобладания китайских торговцев, а типа отношений, определяемого китайским товаром. Этот тип отношений включает дешевизну товара, его не очень высокое качество, возможность торговаться, стилистику поведения китайских торговцев, их деловую культуру. С течением времени *китайскость* становится брендом, торговой маркой – и такое понимание далеко выходит за этническое поле, определяя по большей мере параметры экономические и даже социальные. Тогда появляется смысл осознанно, в качестве деловой технологии, формировать и «китайский облик» рынка – через нехитрый набор символов (название, китаизированный дизайн в оформлении и т.д.). *Китайскость* становится специально производимым товаром для продажи. И, видимо, далеко не случайно выстроенный на месте снесенной знаменитой иркутской «шанхайки» торговый пассаж был назван «Шанхай Сити-молл».

Это предполагает возможность ситуаций, когда рынок мог маркироваться как «китайский» без видимого преобладания китайских торговцев. Об этом свидетельствует, в частности, небольшое исследование А. Охотникова о китайском рынке в Новосибирске (Трансграничные миграции... 2009). Материала для анализа мало – и можно лишь предполагать в качестве гипотезы, что на рынки городов Западной Сибири и Урала китайские товары продвигались через государства Центральной Азии. Удобнее и выгоднее было использовать услуги граждан этих стран и их деловые сети.

К слову говоря, Турция, одно время сопоставимая с Китаем по объемам производимых для продажи по «челночным» каналам товаров, не включилась в процесс их транспортировки и продажи в России. Турецкие товары шли сюда без турецких «челноков» и без турецких капиталов и менеджмента. В результате турецкие товары не породили «турецких» рынков.

Зато китайские товары породили не только «китайские», но и «киргизские» рынки. Соответствующих исследований почти нет, но имею-

щиеся наблюдения показывают, что буквально в считанные годы в России сформировались многочисленные (особенно учитывая небольшую численность населения этой страны) киргизские общины (Из Азии в Сибирь... 2013; Переселенческое общество... 2013: 466–491). Для нас важно, что в отличие от таджикских и узбекских мигрантов, они активно вторглись в бизнес на открытых рынках и завоевали там довольно сильные позиции. В большинстве сибирских и дальневосточных городов сформировались «киргизские» рынки или «киргизские» ряды. Можно предположить, что этот интенсивный миграционный поток был вызван не только совокупностью выталкивающих факторов – слабостью экономики страны, бедностью населения, регулярными политическими потрясениями. Киргизия стала важным транзитным пунктом для продвижения потребительских товаров из Китая (и не только) на российские рынки. Эти потоки в значительной части обслуживаются киргизами.

И здесь мы подходим к чрезвычайно важному вопросу о роли мигрантов в деятельности и структуре рынков, особенно этнических. Роль эта не просто заметна – она велика настолько, что стала одной из существенных характеристик феномена. И дело не только в численности. Конечно, и один только китайский товар сам по себе может быть важным знаком, символом отношений и статусов. Но когда за ним стоит человек, проблема приобретает дополнительные измерения.

Уже отмечалось, что у присутствия мигрантов на рынках имеется советская предыстория. Когда же с распадом Советского Союза и крахом социалистических отношений в Россию хлынул поток трансграничных мигрантов, то значительная их часть в поисках работы и экономических возможностей пришла на рынки. «Челноки» изначально были разных национальностей и гражданской принадлежности – русские, украинцы, китайцы, киргизы и т.д. Преобладание или заметная роль тех или иных групп определялась не столько тем, что иногда называют «этнической предрасположенностью», сколько ситуацией и экономической целесообразностью. Ведь и саму стратегию челночничества, практики, навыки, инфраструктуру бывшие советские граждане переняли от поляков. Не зря многие русские рынки в Китае и Турции первоначально были «польскими».

Те же «кавказцы», которые в советские времена специализировались на обслуживании товарных потоков из родных мест, постепенно переориентировались на общую торговую и посредническую деятельность. Уже отмечалось, что экономически эффективнее обслуживать потоки китайских товаров через Центральную Азию стали жители этого региона. Многочисленные китайские «челноки» или занялись в России стабильным бизнесом, или вступили в кооперацию с русскими торговцами.

Открытые рынки стали местом и механизмом экономической и социальной адаптации трансграничных мигрантов, площадкой концен-

трации их экономической деятельности и социальной организации, анклавом «этнического бизнеса».

Все это делает чрезвычайно насущным и важным вопрос, сформулированный в продолжающихся дискуссиях об «этнической экономике» (Aldrich, Waldinger 1990; Радаев 1993; Бредникова, Паченков 2000; Уолдингер, Олдрич, Уорд 2008; Min Zhou 2004; Рыжова 2008): коллективные или индивидуальные стратегии избирают мигранты в качестве инструмента достижения экономического успеха на рынках? Если коллективные, то на какой основе формируются их группы? Их поведение на рынках определяется экономической целесообразностью или соображениями групповой лояльности? Дополняют или исключают друг друга эти мотивы? Какова роль этнического фактора в их рыночной деятельности, да и в образе жизни в принимающем обществе? Возможно или невозможно использование ими сети внутриэтнических (внутригрупповых, но маркированных этнически) связей, отношений сотрудничества, зависимости и власти в качестве ресурса в предпринимательстве?

Эти вопросы возникли в концепциях «этнической экономики» в результате изучения огромного количества самых разнообразных случаев и ситуаций. Предлагаемые ими исследовательские подходы, утверждения и гипотезы важны не для получения априорного ответа, не как источник единственно правильного знания, а для того, чтобы задать вопросы изучаемому феномену.

Относительно сформулированных выше вопросов высказывались прямо противоположные гипотезы. Одна из них состоит в том, что торговец руководствуется чисто экономическими мотивами и стимулами, поэтому этнические, земляческие и другие групповые лояльности не определяют выбора его стратегии и практик. Есть и противоположная точка зрения – модель поведения торговца предопределена его принадлежностью к этнической группе и групповой лояльностью.

Для обоснования или отрицания этих гипотез по отношению к современной России катастрофически не хватает эмпирического материала. Представляется, однако, что ответ на этот вопрос может быть разным в различных обстоятельствах и контекстах. Главное же, такая постановка вопроса может увести от признания того, что групповые связи и лояльности (земляческие, семейные, клановые, этнические или маркируемые в качестве этнических) могут быть мощным рыночным, экономическим ресурсом. Опыт «торговых меньшинств» традиционного общества свидетельствует об этом со всей очевидностью (Дятлов 1996). Конечно, специфика постсоциалистических рынков в том и состоит, что это институт общества современного, не общинного. Поэтому прямые аналогии здесь невозможны. Но постановка вопроса представляется не просто корректной, но и чрезвычайно важной и перспективной.

Использование эвристического инструментария «этнической экономики» позволяет вновь вернуться к проблеме того, что же такое «этнические» рынки. Сложившееся понимание, как уже было отмечено, определено взглядом принимающего общества. Оно исходит из безусловной презумпции того, что на «китайском» рынке действуют не торговцы (в том числе и китайского происхождения и гражданства), а китайцы как группа, люди, чье экономическое поведение, деловые практики, человеческие лояльности определяются их *китайскостью*. Принимающее общество видит на рынках группы, а отдельных людей воспринимает как органическую их часть.

Исследовательская задача состоит, видимо, в том, чтобы поставить здесь знак вопроса. И пытаться отвечать на вопросы на основании исследования конкретных ситуаций и кейсов. Причем крайне желательно – в динамике. «Этнические» рынки – это площадки, где действуют отдельные люди, мотивированные, прежде всего, мотивом прибыли? Или это поле деятельности групп, организованных по этническому принципу? Или не по этническому, но этнически маркированному? Противоречит ли одно другому? Являются ли «этнические» рынки просто торговыми площадками, на которых действуют на свой страх и риск отдельные торговцы, или там сложились устойчивые и эффективные внутренние механизмы регулирования, контроля и власти? Если да, то являются ли они этническими или клановыми, но этнически маркированными? Или власть определяется наличием экономического и силового ресурса? Существует ли разделение труда по этническому признаку? При этом необходимо иметь в виду ярко выраженный феномен этнизации миграционных процессов в глазах современного российского общества. Ситуацию, когда процессы социально-экономические (миграция, например) привычно описываются в категориях культурных, в том числе и этнических. Когда логика и практики поведения мигранта приписываются этнической группе.

Вопросов куда больше чем ответов. Существующий корпус исследований (крайне немногочисленный и обрывочный) дает не так много оснований для широких обобщений и генерализации. Однако опыт изучения иркутских рынков позволяет утверждать (не распространяя это априори на все «этнические» рынки), что это не просто торговые площадки и хозяйствующие субъекты. Там сложилось и разделение труда (в том числе и по этническому принципу), и внутренние механизмы организации и контроля, и социальные сети, в том числе и на этнической основе.

Можно предположить, что формируется и особая субкультура таких рынков. Одним из свидетельств этого стали формирование и довольно широкое распространение пиджинов – особенно в российско-китайском торговом приграничье. Возрождена на новой основе и в новом

историческом контексте дореволюционная традиция кяхтинского пиджина как языка приграничной торговли, сформировался специфический язык общения «этнических» рынков как таковых (Григоричев, Гужей 2017).

Заключение

Постсоветские рынки уходят в прошлое – вместе с постсоциалистической переходной эпохой. Они стремительно отступают под натиском конкуренции современных и экономически эффективных торговых форматов – ретейлерских сетей, пассажей, гипермаркетов, моллов. Регулярный внешнеторговый бизнес вкупе с ужесточением таможенной политики выдавили челночничество – залог их устойчивости и процветания. Экономические факторы выдавливания, маргинализации открытых рынков дополнялись политикой властей. Здесь достаточно вспомнить сначала частичный, а затем и полный запрет иностранцам торговать на открытых рынках, постановление об их закрытии в крупных городах.

По определению, это феномен временный, преходящий. Само название говорит о временности, переходности, исчерпанности. В этом принципиальное отличие от тех же «восточных базаров», с их длительной историей, укорененностью в традиции, богатой культурой.

Конечно, открытые рынки, в том числе и этнически маркированные, не исчезнут совсем. Своя ниша у них останется – в формате «блошиных» рынков (Паченков 2004), продовольственных рынков, да и в какой-то мере оптово-розничных тоже. Вряд ли исчезнет и «этнический бизнес» – он уже сейчас эффективно осваивает современные форматы, реагируя на все запреты и ограничения. Однако время процветания открытых рынков позади, если, конечно, страну не постигнет какой-нибудь новый политический и экономический катаклизм.

Это не значит, конечно, что не было предыстории, генетических корней и что не будет продолжения в каких-то формах. Качественное своеобразие, принципиально важная оригинальная характеристика постсоветских рынков – это их миссия рыночного института в формирующемся рыночном обществе. Это был способ экономической деятельности и механизм выживания людей, выросших в городском индустриальном обществе, но в условиях официального запрета на рыночные отношения. Постсоциалистические рынки создавали не рыночные по происхождению люди. Конечно, с активным участием прежних рыночных элементов.

Не менее важна была роль трансграничных трудовых мигрантов, которая прочно вписала постсоветские рынки в контекст «этнической экономики». Вместе с критически необходимой массой импортирован-

ных потребительских товаров мигранты несли рыночную модель поведения, психологию, ценности, системы практик. Этому вовсе не мешало то, что зачастую происходили эти мигранты из таких же постсоциалистических обществ. В случае Китая – даже из страны социалистической, но с бурно развивающейся рыночной экономикой. В любом случае, за большинством из них не стояла непрерывная, устойчивая, многовековая базарная традиция. Поэтому трудно говорить о них как об инструменте прямой трансплантации рыночной культуры. Эта проблема требует отдельного разговора, здесь же достаточно констатации того, что мигранты сыграли непропорционально высокую относительно своей численности и места в обществе роль в становлении и развитии постсоциалистических рынков.

Рынки приобрели огромное символическое значение, олицетворяя в глазах населения массу новых форм жизни, экономических и культурных практик, способов социальных контактов и отношений. Это сделало их важным объектом внимания в городском сообществе, предметом управленческих решений властей всех уровней и их головной боли по поводу сопровождающего их сгустка проблем и конфликтов.

Открытые рынки стали машиной по выработке рыночности и предпринимательской модели поведения, этике, системы ценностей. Создав все это, они исчерпали свою функцию, исполнили миссию и должны уйти. Уйти – как по определению переходный тип отношений, оставив после себя богатое, разнообразное и противоречивое наследство.

Литература

- Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: сб. стат. по материалам междунар. семинара / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе; Центр независимых социологических исследований. Труды. СПб., 2000. Вып. 8. С. 47–53.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
- Восток России:* миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
- Габуев А., Козенко А.* Китай торгуется за Черкизовский рынок // Коммерсантъ. 2009. № 131. 22 июля.
- Гириц К.* Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 3. С. 153–160.
- Григоричев К., Гузей Я.* Язык «этнических» рынков: Базар как пиджин и ситуация границы // Russian Journal of Linguistics. 2017 (в печати).
- Григорьева И.Н.* «Работа, жизнь, второй дом...»: жизненные миры торговцев рынка под открытым небом // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: сб. ст. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 145–157.
- Дятлов В.И.* Предпринимательские меньшинства: торгоши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.

- Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 121–149.
- Жилкин О.Н. «Челночество» в России: новая жизненная стратегия в период экономических реформ (на примере Иркутской области) // Центр независимых социологических исследований «Неформальная экономика в постсоветское пространство: возможности исследования и регулирования», семинар; ред.: И. Олимпиева, О. Паченков. СПб.: Изд-во ЦНСИ, 2003. С. 164–172.
- Иванов В.В., Комлев Ю.Ю., Толчинский Л.Г. «Челночный» бизнес в Казани // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 40–44.
- Из Азии в Сибирь, или В поисках «Нового света» (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.
- Ильина М., Ильин В. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2001. 196 с.
- Ильина М., Ильин В. Торговцы городского рынка: штрихи к социальному портрету // ЭКО. 1998. № 5. С. 103–120.
- Климова С.Г. Концептуализация роли челнока ее исполнителями // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 52–62.
- Климова С.Г. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // Социальная реальность. 2006. № 2. С. 26–41.
- Климова С.Г., Щербакова И.В. «Челночество» и государство: этапы эволюции отношений // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 389–405.
- Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960–1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: XII Всерос. науч. конф., посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 78–83.
- Майоров С. Челноки // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 414–422.
- Московское бюро по правам человека. Хроника МБПЧ: март–апрель 2007 г. (Архив автора).
- Орлова Л.В. Социальное становление малого и среднего бизнеса России в региональном измерении: процессы, структуры и институты самоорганизации: дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2011.
- Паченков О. Блошинный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // Социальная политика: реалии XXI века / Независ. ин-т соц. политики. М.: Поматур, 2004. Вып. 2. С. 271–314.
- Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
- Порецкина Е.М. «Челночный» бизнес. Краткая история вопроса и его особенности в Санкт-Петербурге // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 24–31. URL: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210867019357086file.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
- Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.
- Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5. С. 79–87.
- Романов П., Суворова М. «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // Неформальная экономика в постсоветском пространстве. Проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 148–164.
- Рыжова Н.П. Благовещенск – форпост империи или зона свободной экономики? // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в

- Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 202–227.
- Рыжова Н.П.* Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/> (дата обращения: 15.08.2016).
- Соловьев Л.С.* Повесть о Ходже Насреддине. М.: Эксмо, 2008. 624 с.
- Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 20–35.
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной интеграции* / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
- Ульякина О.В.* Социальный статус торговцев городских рынков в условиях современной России (региональный аспект): дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2014.
- Волдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 30–55.
- Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
- Яковлев А., Голикова В., Капралова Н.* Открытые рынки и «челночная» торговля в российской экономике: вчера, сегодня, завтра (по материалам эмпирических исследований 2001–2005 гг.). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Aldrich H.E., Waldinger R.* Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
- Min Zhou.* Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies and Conceptual Advancements // International Migration Review. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1040–1074.

Статья поступила в редакцию 16.10.2016 г.

Dyatlov Viktor I.

POST-SOVIET OPEN-AIR MARKETS: A NEW PHENOMENON OR CONTINUATION OF TRADITION?*

Abstract. Open-air markets, ‘ethnic’ markets included, were a pivotal part of the post-Soviet transition and an integral element of the urban landscape and of daily life of millions of people. Being included in trans-borders flows of ‘chelnoks’ (shuttle traders), they became part of the world system encompassing large-scale movement of goods, money, and people where business cultures and cultures, more generally, would come into contact. The hypothesis of the article is that this was a qualitatively new phenomenon that was radically different from the preceding ‘kolkhoz markets’ and from Soviet-era ‘baraholkas’ (open-air second-hand goods market places). The difference was determined by the emerging market context, special economic and social functions in the period of transition, and by new people and new relationships.

Keywords: market place, ethnic market, ‘chelnoks’, ‘ethnic economy’, transnational migrations

* The research is conducted within the fundamental part of the Russian Ministry of Education and Science state task (project, titled ‘Discursive mechanisms of construction of boundaries in the heterogeneous society of the Russian East’) and supported by the grant of Russian Foundation for Fundamental Research (project # 16-03-00100, titled ‘‘Ethnic’ markets in the post-Soviet Siberian city).

DOI: 10.17223/2312461X/15/7

References

- Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost' «etnicheskoi ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [The ethnicity of 'ethnic economy' and migrants networking], *Etnichnost' i ekonomika: sb. stat. po materialam mezhdunar. seminar* [Ethnicity and economy: a collection of articles associated with an international seminar]. Ed. by O. Brednikova, V. Voronkov, E. Chikadze; Tsentri nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniy. St. Petersburg, 2000, pp. 47–53.
- Brodell F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 2. Iгры obmena* [The material civilization, economics, and capitalism, 15th–18th centuries. Vol. 2. Exchange games]. Per. s fr. L.E. Kubbelia. Red. Iu.N. Afanas'eva. Moscow: Progress, 1988. 632 p.
- Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskom obshchestve. *Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: migrations and Diasporas in a society of resettlers at the turn of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk, 2011. 624 p.
- Gabuev A., Kozenko A. Kitai torguetsia za Cherkizovskii rynek [China bargains for the Cherkizovskiy market], *Kommersant*, 2009, no. 131, 22 July.
- Girts K. Bazarnaia ekonomika: informatsiia i poisk v krest'ianskom marketinge [Market place economy: information and the search in peasant marketing], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2004, Vol. 7, no. 3, pp. 153–160.
- Grigoriev K., Guzei Ia. Iazyk «etnicheskikh» rynkov: Bazar kak pidzhin i situatsiia granitsy [The language of 'ethnic' markets: a market place as a pidgin and a border situation], *Russian Journal of Linguistics*, 2017 (in print).
- Grigor'eva I.N. «Rabota, zhizn', vtoroi dom...»: zhiznennye miry torgovtsev rynka pod otkrytym nebom [‘Work, life, and the second home...’: the life worlds of open-air market tradesmen], *Fol'klor malykh sotsial'nykh grupp: traditsii i sovremennost'*. *Sb. statei* [The folklore of numerically small social groups: traditions and the modern times. A collection of articles]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2008, pp. 145–157.
- Diatlov V.I. *Predprinimatel'skie men'shinstva: torgashi, chuzhaki ili poslannye Bogom? Simbioz, konflikt, integratsiia v stranakh Arabskogo Vostoka i Tropicheskoi Afriki* [Entrepreneurial minorities: tradesmen, strangers, or the ones sent by God? Symbiosis, conflict, and integration in the countries of the Arab East and Tropical Africa]. Moscow, 1996.
- Diatlov V.I. Transgranichnye migranty v sovremennoi Rossii: dinamika formirovaniia stereotipov [Transnational migrants in contemporary Russia: the dynamics of formation of stereotypes], *Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz*, 2010, no. 3–4, pp. 121–149.
- Zhilkin O.N. «Chelnochestvo» v Rossii: novaia zhiznennaia strategiia v period ekonomicheskikh reform (na primere Irkutskoi oblasti) [‘Shuttle trade’ in Russia: a new life strategy in the period of economic reforms (the case of Irkutsk region)], *Tsentr nezavisimykh sotsiol. issled. «Neform. ekonomika v postsovet. prostranstve: vozmozhnosti issled. i regulirovaniia», seminar; red.: I. Olimpieva, O. Pachenkov* [The Centre for Independent Social Research. ‘The post-Soviet informal economy: the potential for research and regulation’, a seminar; edited by I. Olimpieva and O. Pachenkov]. St. Petersburg: Izd-vo TsNSI, 2003, pp. 164–172.
- Ivanov V.V., Komlev Iu.Iu., Tolchinskii L.G. «Chelnochnyi» biznes v Kazani [‘Shuttle trading’ business in Kazan], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, no. 11, pp. 40–44.
- Iz Azii v Sibir', ili v poiskakh «Novogo sveta» (polozhenie trudovykh migrantov iz Tsentral'noi Azii v Buriatii)* [From Asia to Siberia, or in search of a ‘New World’ (the state of labour migrants from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2013.
- Il'ina M., Il'in V. *Rossiiskii bazar: sotsial'naiia organizatsiia i marketing* [A Russian market place: social organization and marketing]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkar'skogo gos. un-ta, 2001. 196 p.

- Il'ina M., Il'in V. *Torgovtsy gorodskogo rynka: shtrikhi k sotsial'nomu portretu* [City market place tradesmen: some touches to the social portrait], *EKO*, 1998, no. 5, pp. 103–120.
- Klimova S.G. *Kontseptualizatsiia roli chelnoka ee ispolniteliami* [The role of shuttle traders as conceptualized by themselves], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 4, pp. 52–62.
- Klimova S.G. *Chelnoki: begstvo ot nuzhdy ili pogonia za shansom* [Shuttle traders: escaping from privation or chasing the chance], *Sotsial'naia real'nost'*, 2006, no. 2, pp. 26–41.
- Klimova S.G., Shcherbakova I.V. «Chelnochestvo» i gosudarstvo: etapy evoliutsii otnoshenii [‘Shuttle trade’ and the state: stages of the evolution of relationships], *Rossiiia reformiruiushchaisia. Ezhegodnik. Otv. red. M.K. Gorshkov. Vyp.7* [The reforming Russia. Yearbook. Edited by M.K. Gorshkov. No. 7]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008, pp. 389–405.
- Klinova M.A. *Spekuliatsiia i fartsovka v SSSR 1960-kh – 1980-kh gg.: vektory sovremenogo istoriograficheskogo osmysleniia* [Speculation and clandestine resale (fartsovka) in the USSR in the 1960s-1980s: the vectors of contemporary historiographic comprehension], *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia: Industrial'naia modernizatsiia Urala v XVIII—XXI vv. XII Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 90-letiiu Zasluzhennogo deiatelia nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina. Materialy* [The industrial Ural region. The Bakunin readings: Industrial modernization of the Ural region in the 18th to the 21st centuries. The 12th Russian academic conference devoted to the 90th anniversary of the distinguished scholar of Russia, doctor of sciences (history) and professor Aleksandr Vasilievich Bakunin. Proceedings]. Ekaterinburg, 4-5 dekabria 2014 g.: v 2-kh t. Ekaterinburg: UrFU, 2014, Vol. 1, pp. 78–83.
- Maiorov S. *Chelnoki* [Shuttle traders], *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 7, pp. 414–422.
- Moskovskoe Biuro po pravam cheloveka. Khronika MBPCh: mart-aprel' 2007 g.* (Arkhiv avtora) [The Moscow Bureau for Human Rights. The MBHR chronicles: March and April 2007].
- Orlova L.V. *Sotsial'noe stanovlenie malogo i srednego biznesa Rossii v regional'nom izmerenii: protsessy, struktury i instituty samoorganizatsii: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Social development of a regional dimension of Russia's small and medium business: processes, structures, and institutions of self-organization: a Doctor of Sciences (Sociology) dissertation]. Saransk, 2011.
- Pachenkov O. *Bloshninyi rynek v perspektive sotsial'noi politiki: «bel'mo na glazu» goroda ili institut «povsednevnoi ekonomiki»?* [A flea market through the prism of social policy: a ‘thorn in the city’s flesh’ or an ‘everyday life economy’ institution?], *Sotsial'naia politika: realii XXI veka* [Social policy: the twenty-first-century realities]. Nezavis. in-t sots. politiki. Moscow: Pomatur, 2004, Vol. 2, pp. 271–314.
- Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [The resettlement society of the Asian part of Russia: migrations, spaces, and associations]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Ottisk, 2013. 624 p.
- Poretskina E.M. «Chelnochnyi» biznes. *Kratkaia istoriia voprosa i ego osobennosti v Sankt-Peterburge* [‘Shuttle trading’ business. A brief history of the matter and its special features in the city of Saint Petersburg], *Teleskop: nabliudeniia za povsednevnoi zhizn'iu peterburzhtsev*, 2006, no. 5, pp. 24–1. Available at: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210867019357086file.pdf (Accessed 15 August 2016).
- Radaev V.V. *Zakhvat rossiiskikh territorii: novaia konkurentnaia situatsiia v roznichnoi torgovle* [The seizure of Russian territories: a new situation of competition in retail]. Moscow: GU VShE, 2007. 220 p.
- Radaev V.V. *Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoi opyt i Rossiia* [Ethnic entrepreneurship: Russia and the world], *Polis*, 1993, no. 5, pp. 79–87.
- Romanov P., Suvorova M. «Chistaia fartsa»: sotsial'nyi opyt vzaimodeistviia sovetskogo gosudarstva i spekuliantov [‘Pure clandestine resale’: social interaction of the Soviet state and speculators], *Neformal'naia ekonomika v postsovetskom prostranstve. Problemy is-*

- sledovaniia i regulirovaniia* [The post-Soviet informal economy. Issues of research and regulation]. Ed. by I. Olimpieva, O. Pachenkov. St. Petersburg: TsNSI, 2003, pp. 148–164.
- Ryzhova N.P. Blagoveshchensk – forpost imperii ili zona svobodnoi ekonomiki? [Blagoveshchensk, an Empire's outpost or a free economy area?], *Stabil'nost' i konflikt v rossiiskom prigranich'e. Etnopoliticheskie protsessy v Sibiri i na Kavkaze* [Stability and conflict in Russian border areas. Ethno-political processes in Siberia and the Caucasus]. Ed. by V.I. Diatlov, S.V. Riazantsev. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniam, 2005, pp. 202–227.
- Ryzhova N.P. Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva: zapadnaia traditsiia i rossiiskoe prochtenie [The phenomenon of ethnic entrepreneurship: a Western tradition and its reading in Russia], *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 2008, no. 3. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/> (Accessed 15 August 2016).
- Solov'ev L.S. *Povest' o Khodzhe Nasreddine* [The tale of Hodja Nasreddin]. Moscow: Eksmo, 2008. 624 p.
- Titov V.N. Veshchevoi rynek kak sotsial'nyi institut [A clothes market as a social institution], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1999, no. 6, pp. 20–35.
- Transgranichnye migratsii i prinimaiushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi integratsii: monografiia* [Transnational migrations and the host society: the mechanisms and practices of mutual integration: a monograph]. Ed. by V.I. Diatlov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 p.
- Ul'iankina O.V. *Sotsial'nyi status torgovtsev gorodskikh rynkov v usloviakh sovremennoi Rossii (regional'nyi aspekt): diss...kand. sotsiol. nauk* [The social status of city markets tradesmen in contemporary Russia (a regional aspect): a Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Saransk, 2014.
- Waldinger R., Aldrich Kh., Word R. Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs], *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2008, Vol. 9, no. 5, pp. 30–55.
- Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a bargaining space and a meeting point]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. 343 p.
- Iakovlev A., Golikova V., Kapralova N. *Otkrytye rynki i «chelnochnaia» trgovlia v rossiiskoi ekonomike: vchera, segodnia, zavtra (po materialam empiricheskikh issledovaniy 2001–2005 gg.)* [Open-air markets and 'shuttle trade' in Russian economy: yesterday, today, and tomorrow (based on the empirical research materials of 2001–2005)]. Moscow: GU VShE, 2006.
- Aldrich H.E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship, *Annual Review of Sociology*, 1990, Vol. 16, pp. 111–135.
- Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergences, Controversies and Conceptual Advancements, *International Migration Review*, 2004, Vol. 38, no. 3, pp. 1040–1074.